

Кумиры прошлых лет

Однажды режиссер Владимир Басов пригласил этого актера на «Мосфильм». Он ехал с надеждой на интересную большую роль, потому что кое-какой удачный съемочный опыт у него был — «Аннушка», «Им покоряется небо», «Рожденная жить», главная роль в популярном тогда фильме об ансамбле «Березка» «Девичья весна». А получил предложение работать... за кадром, петь своим негромким мягким баритоном «Дымилась роща под горою...». Песня эта стала своеобразной визитной карточкой не только этапной для отечественного кинематографа ленты «Тишина», но и ее первого исполнителя. Речь, как многие, наверное, уже догадались, пойдет об актере и певце Льве Барашкове.

Уйти на дно, не опуская флаг

Век: Москва. — 1997. — июль. — с. 7

Первыми песнями в репертуаре Льва Барашкова были «Случайный вальс» и «Хотят ли русские войны»

Не случайно беседа завязалась именно с детских впечатлений артиста. Война, по собственному его выражению, в нем засела прочно:

— ...И весь этот холод, голод военный я испытал, и эвакуацию. Не ту эвакуацию, которую иногда в кино показывают, а реальную, в которой эвакуированных «выковырянными» называли. Отец был военным, всю войну прошел политруком. Когда мы вернулись из эвакуации в Люберцы, я чуть не убежал к нему на фронт. Он из Восточной Пруссии прислал посылочку с оказией, а в ней — фотографии. И одолела меня мысль: рвануть к отцу.

А в городе нашем была знаменитая высшая офицерская школа, которой командовал генерал-майор Жуков, однофамилец Георгия Константиновича. В ней готовили наших асов. Я к этим ребятам очень привязался. Мы ж, пацаны, все время голодные были. Хлеб по карточкам — и все... А в офицерской столовой даже белый давали — ну и летчики нам иногда подбрасывали... Однажды в Доме офицеров я услышал «Случайный вальс» Фрадкина и выучил этот самый вальс. Представляете, пацан: «Ночь коротка, спят облака. И лежит у меня на ладони...», ну и так далее. В Доме офицеров услышали, как я пел, говорят: «Лев, давай». Один подобрал мелодию, и я запел. Это — мое первое выступление.

Аша песенная стезя началась со «Случайного вальса». А как вы стали актером?

— Моим крестным стал Зиновий Яковлевич Корогодский — известный ленинградский режиссер. Он тогда работал в Калужском драматическом театре, а в пединституте, где я учился вел драмкружок. И когда Зиновия Яковлевича пригласили в Калинин-

градский драматический театр главным режиссером, он прислал мне открытку: «Лев, если хочешь, приезжай. Я тебя беру в театр». И в 1955 году я, бросив истфак, поехал в Калининград. Год поработал и понял: без актерской школы буду иметь жалкий вид даже в провинциальном театре. И поступил в ГИТИС. Там у меня были прекрасные педагоги: Борис Александрович Покровский был руководителем курса, а Андрей Александрович Гончаров вел актерское мастерство. Уже на третьем курсе я работал у Андрея Александровича в драматическом театре на Спартаковской... У меня был уже театральный опыт, когда появился знаменитый Равенских. Борис Иванович не мыслит ни одного спектакля без музыки и песен. И это, конечно, меня покорило: через три года я перешел к нему в Театр им. Пушкина на главную роль в спектакль «Покой нам только снится». С Настей Вертинской мы играли, это была ее первая работа в театре.

— Почему, несмотря на определенное положение в театре, вы ушли из него?

— Однозначно ответить трудно. Я все-таки жалел, что ушел от Андрея Александровича, а попроситься обратно гордость не позволяла. И полная человеческая непредсказуемость Равенских меня все время выбивала из колеи... Однажды он нас собрал всех и сказал: «Ну вы там все халтурой занимаетесь. У нас будет такой спектакль-концерт». А у меня

тогда было только две песни: «А у нас во дворе...» и «Хотят ли русские войны». В концерте они проходили очень хорошо. Но репертуара не хватало. А когда появились «Главное, ребята, сердцем не стареть» и «На Безымянной высоте» — с ними я и пришел на эстраду.

— И не жалели о смене «профиля»?

— Нет. Я получил возможность поглядеть мир. Дважды был на Олимпиадах: в 1968 году в Мехико, в 1972 — в Мюнхене в составе творческой группы актеров. Я считаю, это дорогого стоит.

Там с боксерами контакт налаживался. С Лагутиным Борей, который тогда победил. А еще с Киселевым, который в финале неудачно провел бой и только серебро получил, с Поздняком. А когда мы в Мюнхене были, сблизился с ватерполистами. Однажды тренер сборной СССР по ватерполу Блюменталь говорит: «Лев, спой нам что-нибудь перед выездом. Спел им «Ваше благородие, госпожа удача...», и на первую игру они меня взяли и выиграли.

— Вы у них вроде талисмана оказались?

— Ну да. Только я поначалу как-то не придавал этому значения. И вот вторая игра... Они собрались, а меня нет. Я рядом жил, напротив.

Вдруг приходят два бойца из ватерполной команды — ребята все под два метра: «Лев Павлович, одевайтесь. На установку игры. И, пожалуйста, в следующий раз не опаздывайте». Я с юмором, но принял это предложение. Прихожу, мне Блюменталь сделал замечание, а потом: «Лев Павлович, давайте куплет». Я спел опять из «Белого солнца...» про удачу

следующий куплет. Они — выиграли. И потом сколько игр было, я пел по куплету. И когда в финале они получили золотые медали, я радовался не меньше их. Фирма «Адиас» всем, кто выиграл, преподнесла спортивные костюмы и кроссовки. И я получил «обмундирование» с сознанием выполненного долга.

— Как складывались потом ваши отношения с эстрадой?

— На эстраде я почувствовал себя независимым. В то время были прекрасные песни. Но была и цензура. Мы с Леной Камбуровой сидели даже как-то на директорате в Москонцерте, нас прорабатывали за репертуар — я посмел, видите ли, вставить песню бардов. Тогда это было запрещено на эстраде — петь Высоцкого, Клячкина, Кукина, Визбора. Перед уходом на пенсию я сделал программу по Юрию Визбору: «Наполним музыкой сердца». Однажды мы целый день провели вместе, он пел свои песни.

— Вы выбирали? Он разрешил?

— Да. Он приехал ко мне: «Записывай...». Я сделал первое отделение: как бы ранний Визбор, а второе как моноспектакль по его повести «Завтрак с видом на Эльбрус». Я взял у него песни, которые органично ложились на эту роль, и сыграл героя Пашу, произнося монологи и за героиню, которую он любил, и за других друзей, с которыми он встречался.

А в 1989-м я закончил концерт и ушел на отдых. Вот так

просто взял и ушел от концертов, от всего. Потому что все время стремился быть независимым. Я поставился сделать это по Визбору: уйти на дно, не опуская флаг.

— Обратно не тянуло?

— Тянуло. Знаете, в прошлом году на двух фестивалях даже побывал: в Крыму на 300-летию Российского Флота и на фестивале «Золотой шлягер» в Могилеве. И туда приехали Трошин Володя, Миансарова Тамара, Капа Лазаренко, ансамбль «Опера». Вы знаете, как нас встречали?! Со слезами на глазах. И когда я вышел и запел: «Главное, ребята, сердцем не стареть...», — зал подхватил: сам, без каких-то усилий с моей стороны.

— То есть вы опять поете?

— Да, я начал более активно выступать, но не во всякой аудитории, а больше среди сверстников, хотя, вы знаете, даже и молодежная аудитория вдруг иногда с таким удовольствием «проглатывает» хорошую, мелодичную песню 50—60-х годов. Спеть им: «Хороши весной в саду цветочки. Еще лучше девушки весной...». Или вот: «Где ж ты, мой сад, вешняя заря? Где же ты, подружка...». Заводятся с удовольствием.

— Кем вы считаете себя сейчас?

— Скажем так: актером, который пытается возрождать наши старые добрые песни. Я бы так и назвал свою программу: «Наши старые добрые песни». Они действительно добрые. Они не имеют отношения к политике, потому что я политику не пою.

Елена ЛИТОВЧЕНКО

Фото Юрия КОЧЕТКОВА (концерт «ВМ») и из архива певца

